

Глава 122. Давай поженимся

«И я очень тебя люблю».

Цзян Тан уже хотел ответить «конечно», но эти слова словно ударили ему прямо в голову — так сильно, что ответ застрял где-то внутри.

Несколько долгих вдохов он только и мог, что переваривать услышанное, а потом резко повернул голову к лежавшему рядом Фу Линцзюню.

Мягкий лунный свет ложился на его бледное, прекрасное лицо. Фу Линцзюнь повернул голову к нему, и в тёмных, как тушь, глазах мерцали упавшие звёзды, переливаясь нежной глубиной чувства.

— Что ты сказал?! — Цзян Тан резко сел в лодке. От такого движения она качнулась, пуская по воде круг за кругом.

Фу Линцзюнь молча смотрел на него.

Он не отвёл взгляда, а, наоборот, медленно и внимательно обвёл глазами мягкий контур юношеского лица и с бесконечным терпением повторил:

— Я очень тебя люблю. Ты пришёл ко мне во сне, и я так этому рад.

Голос у него был мягок до невозможности, будто речь шла о самом важном, о самом дорогом, и потому эти слова заслуживали такой бережной, серьёзной интонации.

Цзян Тан, которого так бережно приняли, неотрывно смотрел на него. Сердце колотилось всё быстрее, в глазах защипало, и чувства начали выходить из-под контроля.

Он и раньше чувствовал, что Фу Линцзюнь его любит, но чтобы тот так прямо, без всякого прикрытия, признался ему в этом — такое случилось впервые. К тому же сейчас в нём ещё звучало что-то от господина Юйяня, и оттого сказанное прозвучало особенно томно, особенно нежно.

Цзян Тан часто-часто заморгал. В горле пересохло. Он неловко отвернул голову, не смея больше на него смотреть.

— Конечно... только во сне ты и можешь говорить такие вещи, — тихо проворчал он.

Фу Линцзюнь медленно сел. Он был выше и крупнее, и стоило ему выпрямиться, как лодка

сразу показалась слишком тесной. Им неизбежно пришлось придвинуться друг к другу ближе.

Цзян Тан ещё пытался держаться и не смотреть на него, но присутствие человека рядом ощущалось слишком остро. В конце концов он всё-таки повернулся и метнул на него быстрый взгляд искоса — будто вымещая на нынешнем Фу Линцзюне обиду за того, из другой памяти, который ни разу так и не признался ему в своих чувствах.

В руке у Фу Линцзюня вдруг появилась подвеска из тёплого белого нефрита.

Нефрит был чистый, прозрачный, с мягким блеском, а на нём были вырезаны два феникса.

Цзян Тан сразу её узнал.

В прежнем мире эта подвеска спокойно висела у него на поясе.

И теперь Фу Линцзюнь снова протянул её ему.

Цзян Тан поджал губы.

Бледные длинные пальцы Фу Линцзюня подцепили красный шнурок. Он не слишком ловко привязал к подвеске кисть, потом опустил голову и закрепил её на поясе Цзян Тана.

— Уже поздно, — сказал он. — Пойдём отсюда.

Будто говорил о том, что ночь стала глубокой, роса — холодной, и пора покинуть этот тихий, бескрайний лotosовый пруд. Но Цзян Тан понимал: на самом деле речь шла о том, чтобы выйти из этого прекрасного сна.

Он опустил глаза на руки, завязывавшие кисть у него на поясе, и заколебался.

— Но ведь... у нас ещё три дня...

Пальцы Фу Линцзюня на миг замерли, а потом он тщательно поправил кисть и, подняв глаза, спросил:

— Ты не хочешь уходить?

Раньше хотел. Очень хотел. Но теперь — уже нет.

Цзян Тан покачал головой.

— Почему?

Он не знал, что ответить, и только молча опустил голову.

— Тебе здесь нравится?

Цзян Тан вскинул глаза и, глядя прямо на Фу Линцзюня, изо всех сил закивал:

— Нравится!

Словно почувствовав, что этого мало, он тут же повторил:

— Очень нравится!

— И что тебе здесь нравится? — спросил Фу Линцзюнь с мягкой улыбкой. Он сидел перед ним уже совсем спокойно, будто и сам расслабился.

— Здесь шумно, но спокойно. Тепло. Уютно. Везде смех и жизнь...

На этих словах Цзян Тан невольно вспомнил госпожу Фу, с которой познакомился только сегодня. Она и правда была замечательным человеком. Родители редко бывали рядом с ним, когда он рос, и тепла от старших он почти не знал. А сегодня госпожа Фу говорила с ним так ласково, словно самая нежная мать на свете. Оттого ему уже не хотелось уходить.

Фу Линцзюнь очень внимательно выслушал его и запомнил не только слова, но и выражение лица.

Цзян Тан и правда всем сердцем полюбил дворец Гуанлин. Каждое слово он произносил с такой радостью, словно в этом мире можно было делать всё, что приносит счастье.

— Не знаю, хватит ли трёх дней, — сказал Фу Линцзюнь.

Он поднялся, сложил печать и, обернувшись ветром, мягко повёл лодку сквозь заросли лотосов к берегу.

Листья и цветы, задетые лодкой, закачались и стряхнули с себя ночную росу. Капли одна за другой застучали по воде, и в тишине это зазвучало как чистая музыка.

Глаза Цзян Тана вспыхнули. Он смутно догадался, что задумал Фу Линцзюнь, и тут же решил, что это безумие. Он поспешно вскинул голову:

— Что... что мы будем делать?

Фу Линцзюнь опустил взгляд на юношу, смотревшего на него снизу вверх, и с улыбкой ответил:

— Давай поженимся.

Именно это Цзян Тан только что и успел себе представить.

Эти слова были всего лишь тихим шёпотом под луной, но, упав ему в уши, вспыхнули пожаром и сожгли все остатки рассудка.

Он почти без малейшей заминки ответил:

— Хорошо.

Лодка пристала к берегу.

Они шли быстро. Тёплая ладонь Фу Линцзюня крепко держала его руку, пока они шагали по лунному свету в ту сторону, откуда пришли.

Когда они уходили отсюда раньше, оба молча считали конец этой дороги концом самого сна. Но теперь, после того как они вместе смотрели на луну, внутри вдруг вспыхнуло почти безумное желание.

Подарить друг другу по-настоящему прекрасный сон.

И проститься с этим сном самым пышным свадебным пиром.

В тихом, полном цветочного аромата дворике Фу Чэнь, изнемогая от сонливости, лежал у госпожи Фу на коленях и слушал сказку. Глаза у него слипались, пухлые ручки всё ещё цепко держались за её платье, а в приоткрытом рту, у самого уголка губ, поблёскивала тонкая ниточка слюны.

— Чэнь-эр? — тихо позвала госпожа Фу. — Ты засыпаешь?

Фу Чэнь только бессмысленно промычал что-то сквозь сон, даже глаз не открыл, потёрся щекой о материнские колени и продолжил дремать.

Госпожа Фу тихо засмеялась и с любовью погладила его круглую макушку.

Она отложила книжку на столик рядом и уже подхватила сына на руки, собираясь перенести его в постель, когда снаружи донеслись лёгкие шаги. Подняв глаза, она увидела, что за распахнутым окном, бок о бок, стоят её старший сын и тот красивый юноша по имени Фу Тан, ушедшие после ужина.

— Шэн-эр? — удивилась она.

После шестнадцати лет старший сын жил отдельно, в Водной Беседке в Облаках, и, даже приходя домой на ужин, обычно не оставался ночевать. Почему же теперь он вдруг вернулся?

— Матушка, — Фу Линцзюнь держал Цзян Тана за руку, и в его улыбке чувствовалось едва скрытое нетерпение.

Цзян Тан смутился и тихо поздоровался:

— Госпожа Фу.

Хотя госпожа Фу и удивилась, она сперва всё-таки уложила уснувшего Фу Чэня в кровать и укрыла одеялом, а уже потом вышла наружу и прикрыла дверь.

— Шэн-эр, Сяо Тан, почему вы вернулись? Что-то забыли?

Чтобы не шуметь возле спящего младшего сына, она махнула им рукой и увела обоих в передний зал.

Цзян Тан всю жизнь был одиночкой и в современном мире понятия не имел, как вообще знакомятся с родителями любимого человека. А тут утром — первое знакомство, а вечером он уже должен прийти и заговорить о свадьбе. От одной мысли ему становилось неловко, и он украдкой посмотрел на Фу Линцзюня.

Тот, наоборот, держался удивительно спокойно: лицо ровное, ладонь всё так же уверенно сжимала его руку. Так он и пошёл вместе с ними в передний зал.

— Матушка, отец уже лёг? — спросил Фу Линцзюнь.

Госпожа Фу покачала головой:

— Нет. А что случилось?

И тут она увидела, как её гордый, благородный старший сын вместе с юношей почтительно поклонились ей.

А в следующее мгновение она услышала:

— Матушка, я хочу жениться на Фу Тане.

Сказано было коротко, прямо и без малейших околичностей.

Не только госпожа Фу, но и сам Цзян Тан ощутил, что это, пожалуй, чересчур прямолинейно, и молча опустил голову.

Госпожа Фу и правда застыла от этой фразы. Она долго смотрела на них, а потом с трудом выговорила:

— Что ты сказал?

Только вчера она слышала все эти странные слухи, а сегодня уже увидела самого юношу из сплетен. Пусть за один день она и успела понять, что Фу Тан — хороший ребёнок, но это вовсе не значило, что её не потрясёт такая внезапная просьба собственного сына.

— Разве с такими вещами шутят? — она слегка нахмурилась. — Ладно, оставим в стороне, что думаем мы сами. А вы? Как давно вы знакомы? Насколько хорошо знаете друг друга?

— Ты сейчас — господин Юйань, а хочешь жениться на собственном ученике, которого только что принял. Ты сможешь вынести все эти пересуды?

— И потом...

— Матушка, — Фу Линцзюнь мягко положил ладонь ей на тыльную сторону руки и позвал так, как звал в детстве. — Я встретил человека, которого люблю. Он очень добр ко мне. Правда, очень.

Когда он говорил это, казалось, будто обращается не только к госпоже Фу, сидевшей перед ним, но и к кому-то ещё — незримому, стоящему где-то рядом.

И без того нелегко встретить человека, которого полюбишь. А встретить того, кто ещё и будет к тебе так добр, — и вовсе почти невозможно.

— Я тоже хочу увидеть солнце, — тихо сказал он и невольно перевёл взгляд на сидевшего рядом юношу.

Вечная ночь долины Тяньбэй была слишком чёрной. Он слишком долго стерёг там эту тишину и в конце концов всё равно не смог не потянуться к тому слабому лучику света, что однажды

ворвался в его мир.

— Есть человек, который не боится меня. Он просто хорошо ко мне относится.

— И я тоже буду очень беречь его.

Госпожа Фу совсем растерялась от этой череды слов. Они и правда звучали как откровенное признание, но в них было столько горечи, что это никак не вязалось с её гордым и блистательным сыном.

Господин Юйань, у которого вся жизнь шла гладко, всегда жил под солнцем.

Никто его не боялся. Все гордились прирождённым верховным из дворца Гуанлин, все уважали его, почитали, были к нему добры.

Он не должен был так тосковать по крошечному лучику света.

И всё же глаза не умели лгать.

Госпожа Фу никогда раньше не видела, чтобы её сын смотрел на кого-нибудь с такой привязанностью и такой тихой радостью.

И именно этот взгляд в конце концов её и тронул.

Сказать ей ещё хотелось многое, но, во-первых, все её слова были бы до смешного обычными и, пожалуй, ничего бы не изменили. А во-вторых, она никогда не была матерью, которая вмешивается в жизнь своих детей. Так что всё, что собиралась сказать, она в итоге проглотила.

Её взгляд скользнул с Фу Линцзюня на Цзян Тана. Юноша тоже смотрел на него не отрываясь. В тёплом свете огня его глаза сияли чисто и искренне, а любовь в них была такой явной, что спрятать её было невозможно.

Госпожа Фу перевела взгляд обратно, и тревоги в её глазах стало заметно меньше.

По крайней мере, оба они действительно поставили друг друга на самое важное место в своём сердце.

— У меня, в общем, нет возражений... — тихо вздохнула она. — Но с отцом ты всё равно должен поговорить.

<http://bllate.org/book/17032/1723199>